

Королева – Матвиенко и Зевс – Ющенко

Новые известия - 2005 - 5 окт. - 45.

В Москве показывают лица современных политиков, «одетых» в классику

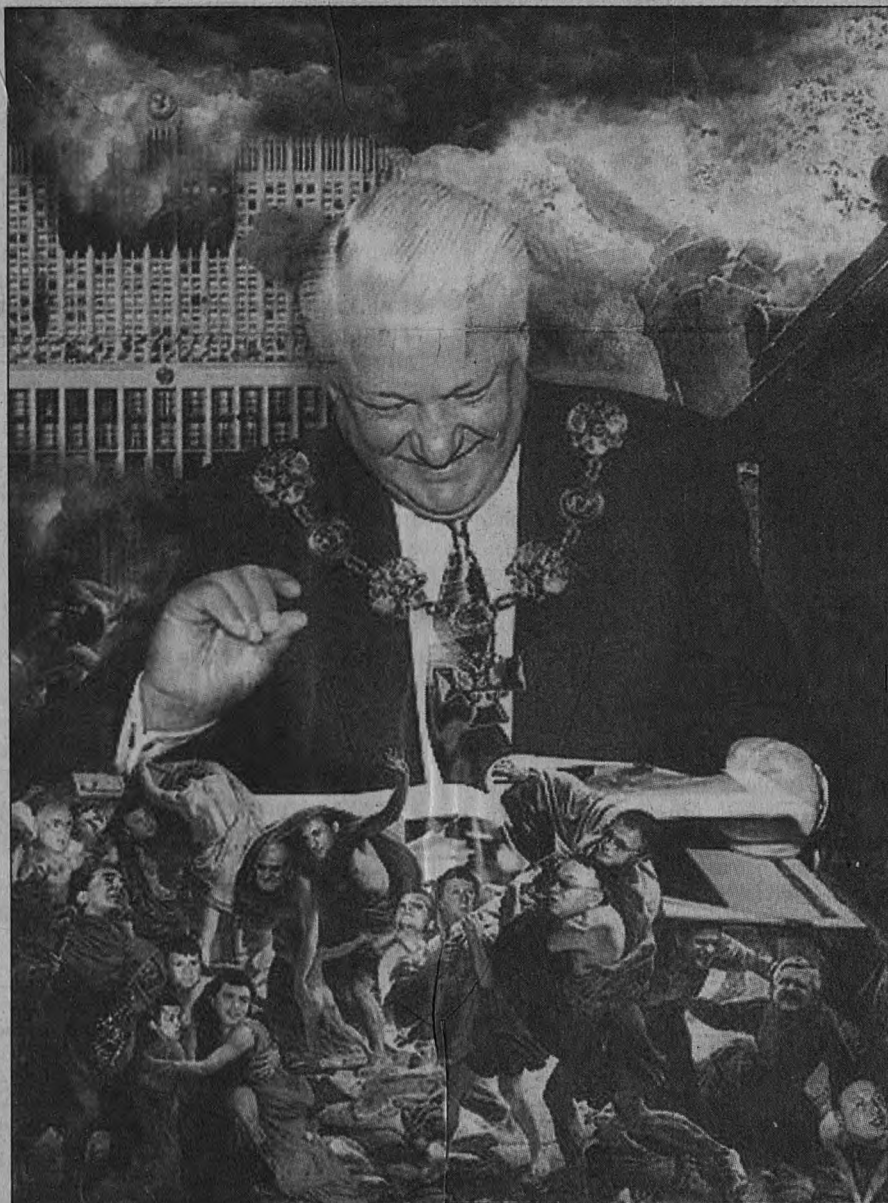
СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Выставка картин Андрея Будаева, которая проходит сейчас в столице, открывает новый жанр политического памфлета. Но вместо привычных для этого жанра графических карикатур художник представил фотополотна, созданные по мотивам живописи классических мастеров. Главные герои выставки – кремлевский бомонд и известнейшие российские (и нероссийские) политики.

Метод работы художника Будаева (хотя вернее было бы его назвать карикатуристом или даже пародистом) не слишком замысловат: берется из альбома по искусству знаменитая картина, а потом к классическим телам подставляются физиономии современных политиков. Получается и впрямь смешно: вместо пышнотелой рубенсовской красавицы перед зеркалом сидит Новодворская, вместо супружеской четы Арнольфини, запечатленной Яном ван Эйком, посреди комнаты стоят президент Путин с супругой, вместо Марии Антуанетты или еще какого-то французского узника в тюрьме томится Ходорковский.

Прием нехитрый – он знаком всем, кто на досуге балуется компьютерной программой «Фотошоп», выстраивающей самые разные сюрреалистические картинки на мониторе. Поэтому интрига не в художественном качестве работ господина Будаева, а в том, кого и куда он поместил в своем «постсоветском bestiarii».

Художник создавал почти 130 работ 15 лет. Ситуация в стране и на политическом олимпе серьезно поменялась – какие-то лица ушли в тень, другие сменили маски. Но в произведениях Будаева они так и застыли на самом пике своего имиджа (этого пика политики достигают в критической

Таким Андрей Будаев увидел Бориса Ельцина.

ситуации). Так, например, для Бориса Ельцина карикатурист подбирает исключительно пышные картины: голландцев, фла-

мандцев или старорусских мастеров, где много золота, вина и разудалой вакханалии. Для эпохи Путина больше подходят

классицистские произведения во французском стиле. Вообще в воображении многих творческих натур нынешний президент все больше ассоциируется с древнеримскими статуями. Именно таким его «изваял» Церетели на одном из полотен. Для правых сил (Кириенко, Чубайс, Хакамада, Немцов) очень уместны религиозные картины старых мастеров с распятиями и сценами страстей. Для олигархов – откровенно издевательские образы реалистов. Наконец, для описания общеполитической системы вполне пригодился сумасшедший Иеронимус Босх (кто только не покушался на светлую память темного нидерландца!) – вместо фантастических страшилищ в его «Искушение святого Антония» введены почти все действующие лица российской сцены. Впрочем, как ни пытался обозреватель «НИ» отыскать в Босховой фантазмагории лицо действующего главы государства, он его не обнаружил.

Самым большим просчетом устроителей выставки можно считать отсутствие каких-либо этикеток или пояснений к работам. Хотя в альбоме художника они имеются: ведь как еще понять, что знаменитая картина Кукрыниксов, изображающая последние часы агонии в гитлеровском бункере, в умелых руках Будаева превратилась в сцену в кабинете наших министров во времена дефолта? И подобных тонких переключек довольно много – они просто неизвестны зрителю, не искушенному в истории живописи (кто может распознать в Валентине Матвиенко в одеждах XVI века французскую королеву Марию Медичи, а в античных Ющенко и Тимошенко – грозного Зевса и мягкую Леду?). Так или иначе, но в выставке этих «живых картин» есть большой толк: она в очередной раз убеждает, что в вечной круговерти образов (людей, типов, героев) история бесконечно повторяется. Персонажи меняют одежды и тела, но более глубокие связи (королевские, вассальные, статусные) остаются. Так что нам остается каждое новое столетие лишь подставлять новые лица.